

ОПЫТНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА РУССКО-ТУРАНСКОГО ДИАЛОГА

В мировой практике систематические сопоставительные исследования национальных языков начались в XVI веке. Самой простой формой сопоставления является двуязычный словарь, когда слова одного языка объясняются словами другого. По Ю.В. Рождественскому, благодаря сопоставительным исследованиям не только истолковываются явления одного языка через сопоставление с другим: само по себе объяснение явлений языка придает им новый смысл. Объяснение через сопоставление приобщает объясняемый язык к смыслам объясняющего языка, один язык как бы заимствует смысловые и стилистические особенности другого языка. Поэтому обычно сопоставляется культурно менее развитый язык с языком, культурно более развитым, благодаря чему первый обогащается и развивается. Культурно более развитым признается язык, на котором существует более богатая литература. Так, с латинским и греческим сопоставлялись новые литературные европейские языки, вследствие чего «вульгарные», то есть младолитературные, языки становились как бы вровень с классическими языками античности, уравнивались их выразительные возможности.

В России тюркские языки сопоставлялись с русским. В много- и разнообразии связей славян и с Востоком, и с Западом, и с Югом Н.С. Трубецкой в качестве основного факта русской истории выделяет «сопряжение восточного славянства с туранством» [Трубецкой, 1995, с. 141]. Под *туранской культурой*, по Н.С. Трубецкому, понимают объединенное название пяти групп народов: 1) угро-финнов, 2) самоедов, 3) тюрков, 4) монголов, 5) маньчжуров. При размытости лингвогенетического родства¹ эти народы составляют один психологический тип.

Внутри данного психологического типа группы народов различаются по степени проявления общих признаков. Наиболее ярко эти признаки явлены у монголов, наиболее ослаблены у угро-финнов. Тюрки выступают как среднестатистические представители данного психологического типа. Понятие психологического типа в культуроведческом аспекте соотносится с понятиями *культурного архетипа* и *стереотипа поведения*, рассматриваемыми как затренированные до автоматизма навыки поведения или внутреннего состояния, обусловленные:

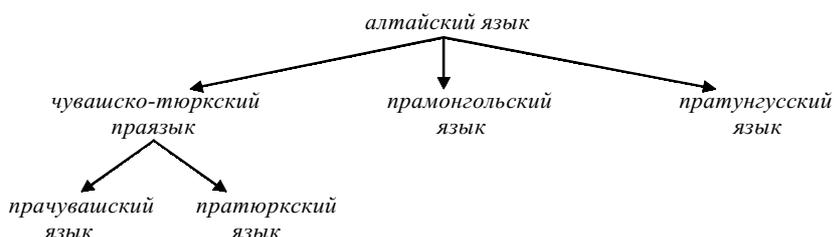
- национальной мифологией,
 - кодексом морали,
 - правилами и предписаниями этикета,
 - запасом литературы,
- а также
- системой знаний, применительно к интересам общества в данный момент времени.

Сочинения ученых востоковедов (труды В.В. Радлова, В.В. Бартольда, В.А. Гордлевского, С.Е. Малова, Л.Н. Гумилева) свидетельствуют: туранский культурный архетип как родовое понятие, несмотря на периоды обскурации, не претерпевал метаморфоз, сохраняется в настоящее время и наиболее точно воплощается в своей тюркской разновидности.

В качестве документного обоснования начала тюркского этнокультурогенеза рассматривают орхонские надписи. Это эпиграфика, выполненная руническим письмом в VIII веке на камнях у реки Орхон в Монголии. Открыты надписи и частично разобраны во 2-й половине XIX века. В XX веке отечественными учеными составлены подробные описания памятников, сопровождаемые транскрипцией оригинального текста, переводами и глоссариями. В орхонских надписях впервые отмечается с указанием на VI век н. э. слово *тюрк*. В XIX веке В. Томсен для слова *тюрк* принял значение *сила, мощь*; М. Мюллер – *могущество, сила*. В настоящее время в историко-филологических исследованиях за словом *тюрк/турк* закреплено значение *сильный, крепкий*.

* © М.В. Субботина, 2004.

¹ Существование пратюркского языка относят к первым векам до нашей эры. Пратюркский язык образовался из первоначально единого чувашско-тюркского праязыка. Считают, что чувашско-тюркский праязык был языком гуннов (по западной версии – скифов). Вместе с прамонгольским и пратунгусским чувашско-тюркский праязык восходит к алтайскому языку:

Начальное употребление слова имеет два параллельных сюжета.

Первый сюжет связан с китайским именованьем пятиста семейств Ашина. Словом «ту-кю», которое П. Пельо расшифровал как «тюр-ют», т. е. «тюрки», но с суффиксом мн. ч. не тюркским, а монгольским (ср.: в древнетюркском языке все политические термины оформлялись монгольским множественным числом), китайцы называли так подданных хана Ашина. «Пятьсот семейств Ашина» (идиоматическое выражение, означающее «немного») бежали в 439 году из Ордоса (Хэси, Китай) на северную окраину Гоби в предгорья Монгольского Алтая. Слово «Ашина» значит «волк»; по-тюркски «волк» – «бури» или «касқир», по-монгольски – «шоночино», «а» – префикс уважения в китайском языке; «Ашина» – «благородный волк». Языком межплеменного объединения хана Ашина был сяньбийский (диалект древнемонгольского).

Второй сюжет начала употребления слова «тюрк» связан с речевыми действиями самих дружинников хана Ашина. Дружинники хана Ашина называли именем «тюрк» племена, жившие в предгорьях Алтая, куда прибыли пятьсот семейств Ашина.

В VI – VII веках потомки хана Ашина говорили по-тюркски.

Исходя из орхонских надписей, начало тюркского этнокультурогенеза в *персоналистическом* плане связывают с потомками хана Ашина – братьями Бумыном-каганом и Истеми-каганом.

Орхоно-енисейские надписи свидетельствуют: тюркский культурный архетип сводится к упорному проведению формулы полезного образа жизни, обоснованного моральным долгом. Существует необходимая связь в виде антиномии между *личностью*, с одной стороны, и *правильностью в содержании и последовательности задач по образованию и становлению государственного устройства* - с другой. Данная антиномия выводится из характеристики *выносливости личности в плане эмоционального оптимизма*.

Анализ научной тюркологической литературы в семиотическом аспекте показал:

- главным компонентом государственного управления в тюркском каганате является номенклатурная терминология; номенклатурная терминология влияет на морфемный ярус языка: открытый список морфем, намеренное создание языковых исключений (например, введение префиксов при агглютинативном строе языка) оправдывается экстралингвистическими (дипломатическими) причинами;
- материя языка, состоящая в связи между фонемой и ее графическим выражением, хронически переформируется по причине перехода на новый тип письма.

О последней типической черте свидетельствуют следующие факты. Так, до IX века главным алфавитом тюркского каганата был алфавит орхонских надписей, факультативным – уйгурское письмо (возникшее из согдийского). В IX веке главным становится уйгурский алфавит. Словесность уйгурского письма этого времени представляет собой прямые и опосредованные переводы с китайского, арабского, персидского религиозных текстов: буддистских, манихейских, несторианских. Часть текстов в переводе сохраняет просодику, именуемую как среднеперсидский тип (применялась чаще в гимнах, предназначенных для пения; определяющим в строке является ударение, количество безударных гласных может беспорядочно варьировать). Тематико-структурное заимствование продолжается заимствованием морфемным и завершается принятием арабского письма. «Кутадгу билик» (основной литературный памятник по тюркскому культурному самоопределению) был создан арабским письмом. Однако использование уйгурского алфавита не прекратилось. Уйгурский алфавит приняли монголы, и многие литературные сочинения были переписаны с арабского уйгурским письмом. Уйгурское письмо существовало в тюркском мире параллельно с арабским как равное до XV века и как факультативное до XVIII века. В XVIII веке уйгуры перешли на тибетское письмо.

Видим, в русской практике, по сравнению с европейской, иным был сам языковой материал, подлежащий осмыслению и систематизации, отчего иными становились и пути движения словарной мысли. Намеренное создание языковых исключений и хронические переходы на другой тип письма в исследуемых языках оправдывались требованиями государственного управления. Этим объясняются трудности прочтения и понимания имеющихся текстов и особенности построения содержания создаваемых словарей.

Филологическую деятельность в России по составлению первых русско-тюркских и тюрко-русских словарей и этнографических описаний стилистически можно характеризовать как *терминирование*: академическими путешественниками-натуралистами, просвещенными администраторами, православными священнослужителями записывались не связные тексты, а отдельные слова – ответы на вопросы анкет, составленных в свое время государственным чиновником В.Н. Татищевым и позднее Г.-Л.-Хр. Бакмейстером.

Содержание создаваемых словарей было обусловлено ответами на контрольные вопросы по социальной фиксации лексических единиц: кто создает? кто утверждает? кто пользуется?

Вопрос	Ответ
Кто создает?	Государственные и военные администраторы, православные священнослужители
Кто утверждает?	Государственная и военная традиция
Кто пользуется?	Участники соответствующего вида деятельности

Так, в рукописи «Четых-Миней» 1559 года, принадлежавшей митрополиту Макарию, на обороте 603 листа расположен текст, называющийся «Толкование языка Половецкаго. Первые по половецки, а опосля русски» и содержащий 17 слов.

Русско-татарский словарь «Се татарский языкъ», содержащий 27 слов, 6 фраз и 18 числительных, находится в составе сборника XV – XVI веков, некогда принадлежавшего библиотеке Софийского собора в Новгороде.

В 1722 году во время Персидского похода Петр I издал манифест на османском языке, обращенный к тюркскому населению предполагаемого района военных действий. В предварительных работах по составлению манифеста значится приказ Петра I казанскому губернатору: списать и перевести тексты надгробий Булгарского городища.

Филипп Иоганн Страленберг (1676 – 1747), пленный капитан шведской армии Карла XII, сосланный в 1711 году в числе других пленных шведских офицеров на поселение в Тобольск и проживший там 12 лет, составил на основании личных тщательных расспросов и дозволенных ему далеких путешествий рукопись под названием «Das Nord und ostliche Theil von Europa und Asia...» («Северная и Восточная части Европы и Азии, поскольку таковые охватывают все Русское государство с Сибирью и Великую Татарию, представленные в историко-географическом описании древнего и нового времени, и со многими другими неизвестными сведениями и никогда еще не издававшейся «Tabula Polyglota» 32 различных языков татарских народов, с калмыцким словарем, и особенно большой и точной ландкартой вышеуказанных стран и разными другими гравюрами на меди, касающимися азиатско-скифских древностей»). Страленберг впервые выявил типологическое сходство языков народов Восточной Европы и Северной Азии и разделил эти народы по единым диалектам на 6 классов:

- 1) обро-венгерские и финские народы;
- 2) тюрки, крымские, узбекские, башкирские, киргизские и туркменские татары; якуты, чуваш;
- 3) самоеды, остяки;
- 4 – 5) калмыки, монголы, маньчжуры, тунгусы, коряки, курилы;
- 6) между Черным и Каспийским морями – авары, кумыки, кубачинцы, черкесы.

На основании классификации Страленберга позднее была создана урало-алтайская теория языковой общности.

Работой Страленберга пользовался Василий Никитич Татищев (1686 – 1750), российский историк, государственный деятель, автор труда «История Российская с самых древнейших времен» (книги 1 – 5, 1768 – 1848). Татищевым были составлены анкеты, по которым *всех чужих языков пробы собирать велено*. Из ответов на вопросы анкет образовался «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский»; части I, II, III. Данный труд являет собою тип энциклопедического словаря, где толкуются восточные (преимущественно тюркские) этнонимы, топонимы, общественно-политические, исторические и географические названия.

В 1784 году Екатерина II приказала разослать во все епархии Российской империи указ, предписывающий составлять словари инородческих народов, обитающих в каждой данной епархии. В 1785 году в Петербурге были опубликованы цели и принципы составления всеобщего словаря, в 1786 году – инструкция-модель, содержащая список 442 русских слов с переводом на немецкий, латинский, французский языки, долженствовавшая служить руководством к собиранию словарного материала. В 1787 году в Петербурге издан лексикон «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы; отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки...». Словник словаря содержит 285 русских слов, переведенных на 200 языков, из них – 51 европейских и 149 азиатских языков и наречий.

Как видим, первые тюрко-русские и русско-тюркские словари и этнографические описания не могли быть вне государственного авторитета, поскольку автор текста состоял на государственной службе. Факторы словесного вкуса и личного языкового чутья становились ведущими принципами стиля государственного управления: индивидуальные изобретения в области смысловой динамики фиксировались в виде социальной нормы и становились фактом культуры языка. С одной стороны, создание толкующей традиции основывалось на принципах сознательного нормотворчества государственного управления, с другой – управленческая традиция вырабатывалась и нарабатывалась как текстологическая. Личная влияние в нормотворчестве словесности и личная влияние в государственной деятельности были взаимообусловлены. Целью словарных стилеобразующих устремлений была государственная речь.

Однако индивидуальные изобретения, хотя и относились к личному стилю, не имели характер самочинного произвола, поскольку были ограничены своеобразным порядком. Словари иностранных слов XVI – XVII веков преимущественно назывались «азбуковниками» или «алфавитами иностранных речей» и содержали в себе помимо списков слов энциклопедические сведения, относящиеся к пониманию каждого слова. Подобное построение словарей имело образцом церковный православный устав расположения и исполнения особых песнопений, называемых стихирами по алфавиту (в уставах греческих, иерусалимских их име-

ную «восточные по алфавиту»). Стихиры по алфавиту – это учительные песни ветхозаветного содержания. Порядок расположения стихир исполнял функцию напоминательную.

Таким образом, выстраивание русско-туранского практического диалога имело модальность государственно-церковного охранения семантики речевых эмоций каждого словарно исследуемого языка.

Определение структуры отношений двух национальных культур – русской и туранской – было предметом государственных размышлений в XIX веке, о чем свидетельствуют направления академических исследований в истории и словесности, а также научно-административная деятельность того времени.

Так, принятый в 1803 году регламент Академии наук, а в 1804 году – первый общий устав русских университетов в качестве своей структурообразующей основы имели проект Георга Якоба Кера – результат 25-летних упражнений ученого восточными языками, в том числе языками азиатских народов России.

В 1826 году Академия наук предложила на разрешение современных ученых задачу: «Какие последствия произвело господство монголов в России, и именно, какое имело оно влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оно, равно как на просвещение и образование народа». В 1832 году Академия предложила задачу из той же области, но определила ее более узко: «Написать историю Улуса Джучи, или так называемой Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских историков и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятных, так и древних Русских, Польских, Венгерских и прочих летописей, и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев, сведений».

Планировалось составление Сродственного Словаря (1821 год), который позволил бы посредством мыслеразъятия связи всеобщих разумений определить умственную основу языков – родного и соплеменных, то есть определить, как мир умственный и мир нравственный образуют строение смысла слова и предложения, и, следовательно,

- уяснить причину присвоения языком тех или иных смысловых структур,
- исправить многие словесные толкования

и в то же время

- восстановить в предложениях естественный порядок знаменований, в разуме проначертанный [Гулянов, 1821].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Вост. лит., 2002.
2. Гордлевский В.А. Избр. соч.: В 4 т.– М.: Изд-во вост. лит., 1960 – 1962.
3. Гулянов И.А. Речь о образовании и существе языков. Чит. в Акад. Российской И. А. Гуляновым, 18 июня 1821 г. по случаю принятия его в члены оной Академии. – СПб.: 1821.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество «Клышников и Ко», 1993.
5. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1972.
6. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
7. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989.
8. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М.: Высшая школа, 1990; Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. - М.: Изд. группа «Прогресс», 1995.